
Расширение возможностей семиотического анализа: источники и содержание концепции «глубокой семиотики»*

© 2019 г. Г.Л. Тульчинский

*Санкт-Петербургский государственный университет; НИУ «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, 190121, ул. Союза Печатников, д. 16.*

E-mail: gtul@mail.ru

Поступила 10.06.2019

Семиотика обладает колоссальным потенциалом интеграции мультидисциплинарного анализа. Прежде всего речь идет о процессах смыслообразования и осмысления, учете как их социально-культурных контекстов, так и роли личности как источнике, средстве и результате динамики смысловых структур и культурного опыта. Данная работа содержит рассмотрение возможности расширения семиотического концептуального аппарата. Такие возможности заложены как в традиционных концепциях семиотического «мейнстрима», так и в концепциях, выводящих семиотику в более широкий и глубокий контекст. Экстракция содержания обозначенного круга идей позволяет систематически представить структуру смыслового содержания социального опыта, как включающую в себя материальную форму знака, предметное и функциональное социальное значение, а также личностный смысл (эмоционально-оценочное отношение и переживание). Речь идет не просто о компонентах смыслового содержания социального опыта, а о системе из взаимосвязи и взаимообусловленности. Переход от материальной формы знака к предметному и функциональному социальному значению и далее к личностному смыслу, вплоть до переживания — демонстрирует процесс усвоения социального опыта, его субъективацию, распремечивание, понимание.

Ключевые слова: герменевтика, глубокая семиотика, осмысление, социальная семиотика, социальный опыт.

DOI: 10.31857/S004287440007358-8

Цитирование: *Тульчинский Г.Л.* Расширение возможностей семиотического анализа: источники и содержание концепции «глубокой семиотики» // *Вопросы философии.* 2019. № 11. С. 115—125.

*Исследование выполнено в рамках гранта РНФ №18-18-00442 «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

Extensions of the Semiotic Analysis Capabilities: the Sources and Content of the "Deep Semiotics" Concept*

© 2019 г. Grigorii L. Tulchinskii

Saint Petersburg State University, National Research University "Higher School of Economics", 16, Soyuza Pechatnikov str., Saint Petersburg, 190121, Russian Federation.

E-mail: gtul@mail.ru

Received 10.06.2019

Semiotics has enormous potential for integrating multidisciplinary analysis. First of all, it is about the processes of meaning formation and understanding, taking into account both their socio-cultural contexts and the role of the individual as the source, means and result of the cultural experience dynamics. This paper contains consideration of the opportunities for the semiotic conceptual apparatus expanding. Such opportunities are inherent in both the traditional concepts of semiotic "mainstream" and in concepts that bring semiotics into a wider and deeper context. The designated ideas circle extraction allows us to present the structure of the social experience semantic content systematically. This structure includes the sign material form, objective and functional social value, as well as the personal meaning (emotion-evaluative attitude and experience). It is not only about the components of the semantic content of social experience, but also about the system of their interconnection and interdependence. The transition from the material form of the sign to the objective and functional social meaning and further to the personal meaning, right up to the experience demonstrates the process of assimilation of social experience, its subjectivation, understanding.

Key words: comprehension, deep semiotics, hermeneutics, social semiotics, social experience.

DOI: 10.31857/S004287440007358-8

Citation: Tulchinskii, Grigorii (2019) "Extensions of the Semiotic Analysis Capabilities: the Sources and Content of the "Deep Semiotics" Concept", *Voprosy Filosofii*, Vol. 11 (2019), pp. 115–125.

Ю.М. Лотман — один из авторитетнейших гуманитариев второй половины прошлого столетия, понимал культуру как систему внегенетического наследования информации о поведении [Лотман 2010]. Предметы быта, здания, инструменты, любые артефакты, поступки, явления природы в контексте определенных культур, будучи связанными с определенными социально-культурными практиками, носят знаковый характер, отсылая к этим практикам, выступая их репрезентантами и посредниками. В этом плане любая культура предстает как «семиосфера»¹ — семиотическая (знаковая) система, представляющая смысловую картину опыта конкретного социума. Похоже, Ч.У. Моррис был глубоко прав, когда утверждал, что «понятие знака может оказаться таким же фундаментальным для науки о человеке, как понятие атома для физики, химии, а понятие клетки для биологии» [Morris 1938, 42]

Семиотика (от греч. σημεῖον — «знак; признак»), как общая теория знаков и знаковых систем, действительно, обладает колоссальным потенциалом меж- и кросс-дисциплинарности. Она давно вышла за пределы анализа языковых феноменов.

* The study was performed under the grant of the Russian Science Foundation №18-18-00442 «Mechanisms of sense formation and textualization in social narrative and performative discourses and practices» at the E. Kant Baltic Federal University.

В последнее время она используется также в генетике² и нейрофизиологии мозга [Черниговская 2013]. Постепенно, но убедительно семиотика демонстрирует возможности междисциплинарной интеграции исследований широкого круга состояний и динамики социально-культурной действительности [Калинин 2009; Randviir 2004]. Тем не менее, представляется важным обратить внимание на возможные перспективные расширения ее концептуального аппарата — как заложенного в традиционных концепциях семиотического «мейнстрима», так и в идеях, выводящих семиотику в более широкий и глубокий контекст.

Обычно выделяются две семиотические традиции: семиотика (semiotics), восходящая к американскому прагматизму Ч.С. Пирса и Ч.У. Морриса, и семиология, восходящая к Ф. де Соссюру и французскому структурализму. Развитие в рамках этих традиций концепции семиозиса существенно различны. Эти различия не сводятся к типологии знаков: иконические, индексальные и символические у Ч.С. Пирса, и акцентированность отношений означающего и означаемого у Ф. де Соссюра. Не менее важны и трактовки самого семиозиса. У американских аналитиков речь шла о трех его измерениях: синтаксисе (отношениях между знаками), семантике (отношении знака к обозначаемым предметам) и прагматике (отношение знака к практике его использования). При этом, операционализация семиотического анализа обеспечивается объективистски (даже физикалистски), что позволяло Ч. Моррису писать о семиотике и как об общей теории знаков, и как о системе ее конкретных приложений в различных предметных областях, позволяющих говорить о семиотике медицины, семиотике искусства и т.д. В структуралистской парадигме акцент делался на синтагматических и парадигматических (ассоциативных) отношениях, а моделью для всей теории знаков служит лингвистика, и объектом анализа выступает только мыслимая реальность, выражаемая в языковых (речевых) конструкциях [Шатин 2015].

Можно сказать, что в этих различиях сказалась специфика двух традиций философии языка и гуманитаристики. В «англосаксонской» доминирует акцент на анализе проблемы значения, с опорой на методы логического анализа и обыденные практики. В «континентальной» (преимущественно — франко-германской) акцентируется проблема понимания. При всех различиях, эти установки не только имеют общий источник (идеи Г. Фреге, а еще ранее — Б. Больцано и Ф. Brentano), но и дополняют, предполагают друг друга, делая разные акценты при рассмотрении одного и того же комплекса: значение — это то, что понимается, а понимание — процедура постижения значения. Поэтому необходимость сближения и даже интеграции этих двух традиций были неизбежны.

В США, Великобритании семиотический анализ применялся к широкому кругу символических поведенческих практик — вплоть до жестов и «языка» животных. Интенсивное развитие получили логическая семантика, логический анализ языка, положившие начало аналитической философии. При исходном прагматическом импульсе анализ семиотических практик выходил на уровень высокой степени абстрактных обобщений. В Европе методология исследования языковых явлений переносилась в другие области: изобразительное искусство, этнографию, социологию, психологию. Внесшая существенный вклад в теорию знаковых систем Тартусско-Московская школа семиотики, французские постструктуралисты использовали эти методы в применительно к социально-культурным явлениям, психоанализу.

Однако основой сближения и интеграции этих традиций является их ориентация на выявление, анализ смысла в «готовых», уже данных знаковых системах. Даже социальная семиотика [Halliday 1978; Hodge, Kress 1988; Leeuwen 2005] также ограничивается рассмотрением специфических языковых средств описания соответствующих паттернов, фреймов социальных контекстов, сужая возможности анализа процессуальности развития знаковых систем, что принципиально важно в изучении социально-культурных процессов. И в этой связи, думается, возможности семиотики далеко не исчерпаны. Закрепление результатов тенденций сближения и интеграции семиотического анализа, выход семиотики на новый уровень реализации ее потенциала, как представляется, может быть связан со следующим шагом — выходом за рамки сугубо синхронического видения знаковых систем. Такое расширение может быть связано с решением трех задач.

Во-первых, включение в контекст семиотического рассмотрения обстоятельства, которое в традиционной семиотике и семиологии выносится за скобки — то ли как само собой разумеющееся, то ли как угроза структурной фокусировке. Речь идет о коммуникации. Знак становится знаком только опосредуя передачу не просто информации (как меру структурного разнообразия, измеряемую в битах, байтах, мега- и гига-байтах), а информации, осмысленной кем-то и как-то. Смысл — порождение конечной системы, пытающейся отобразить и выразить бесконечное разнообразие мира и вынужденной (в силу своей конечности в пространстве и времени) делать это всегда только с какой-то позиции, в каком-то ракурсе, с какой-то точки зрения — в каком-то смысле, который выражает не только описание реальности, но и практическое к ней отношение. Поэтому, *во-вторых*, семиотика оказывается связанной с тематикой, лежащей в центре гуманитаристики. И тогда, *в-третьих*, в семиотике при рассмотрении процессов усвоения и порождения смыслового содержания опыта необходим учет роли личности как источника, средства и результата такой динамики. Возможности решения этих задач расширения потенциала семиотического анализа могут быть связаны как с рядом идей классиков упомянутых традиций, так и с наследием мыслей и концепций, глубоко укорененных в философии и гуманитаристике в целом.

Так, для Ч.С. Пирса сущность знака — в событии репрезентации, действия, организующего связь предмета с чувствами и мотивацией человеческих поступков, что реализуется в ключевом аспекте семиозиса — «интерпретанте» как практике истолкования, объяснения, включая возможную реакцию на этот знак: [Пирс 2000]. Согласно Пирсу, поскольку знак может порождать самые разные версии интерпретанты, постольку процесс семиозиса бесконечен. Ч. Моррис конкретизировал три измерения процесса семиогенеза (синтаксис, семантика, прагматика), но дальше указания на это обстоятельство основатели семиотики не пошли.

В основе логической семантики — наиболее формализованной части теории знаков — лежит различие Г. Фреге значения знака (Bedeutung, referenz, обозначение предмета, предметной области) и его смысла (Sinn, meaning/sense, аспект рассмотрения предмета) [Frege 1892]. В дальнейшем это различие получило развитие в логической семантике Р. Карнапа (экстенционал и интенционал) в обосновании модальных логик. Логика, как известно, преимущественно строится как теория объемных (референциальных) отношений, содержание понятий важно лишь как предпосылка, выражаемая операцией определения понятий. Поэтому в собственно логической семантике смысловые отношения по возможности редуцировались к референциальным.³ При этом в философской логике никогда не прекращались попытки построить теорию содержания понятий. Фактически, одной из таких попыток стала феноменология Э. Гуссерля (ученика и некоторое время помощника Г. Фреге), в которой была предпринята развернутая попытка представить процесс познания как онтологию смыслообразования.

Вместе с тем, в Европе не прерывалась традиция герменевтики как теории и практики интерпретации, толкования, целью которой является понимание. К началу XX века сформировалась философская герменевтика как метод осмысления историко-культурной (В. Дильтей, Х.-Г. Гадамер, Э. Бетти), психической (П. Рикер) и даже физической реальности [Fehér, Kiss, Ropoly (eds) 1999]. Важно, что в этой нарастающей традиции все более отчетливо выявлялась роль культуральных факторов осмысления, роли опыта переживания и сопереживания.⁴

Также и в рамках классической филологии, особенно — австро-германской (В. фон Гумбольдт, А. Фосслер, А. Марти) сложилось понимание языка как части культуры, порождающей определенный строй мысли и переживаний [Гумбольдт 2000]. Идеи фон Гумбольдта, как и всей германской пост-романтической гуманитаристики оказали серьезнейшее влияние на российское языкознание и филологию — от А.А. Потебни до М.М. Бахтина. Так, А.А. Потебня предложил различать «ближайшее» (общее для всех носителей языка) и «дальнейшее» (связанное с индивидуальными ассоциациями) значение слов, а также теорию «внутренней формы» слова как содержания, выражаемого во внешней звуковой форме и как условия приобретения новых значений с помощью

метафорических уподоблений [Потебня 1976]. Идеи А.А. Потебни оказали, в свою очередь, серьезное влияние на российскую гуманитаристику начала XX столетия, вклад которой в потенциал развития теории знаковых систем следует подчеркнуть.

Ярким примером могут служить идеи Г.Г. Шпета. Ученик Э. Гуссерля, сохранивший глубокий пиетет к учителю, аналитик и систематизатор герменевтики, как теории и практики понимания и толкования («уразумения»), Г.Г. Шпет, особенно в трагически закончившийся послереволюционный период своего творчества, интересуется динамикой понимания, источниками зарождения, формирования и развития смысловых структур. Все эти идеи и концепции объединяет представление о единстве социального и индивидуального опыта, транслируемых во внутренней форме артефактов культуры, формирующей внутренний опыт индивида как члена определенного сообщества. Согласно Г.Г. Шпету, всякая «социальная вещь» может быть рассмотрена как «объективированная субъективность» и вместе — как «субъективированная объективность» [Шпет 1927, 178].

Язык — хотя и важнейшее, но лишь одно из условий понимания мира: используя вещи, человек уже погружен в смысловую среду. Задача внутренней формы слова, как логоса — раскрыть соответствующую организацию «смысла», проникнуть во внутренний мир человека, в его монаду, отражающую универсум в каком-то своем плане [Шпет 1927, 67, 141–163]. Внутренняя форма предстает «живым понятием, переживанием смысла. Люди понимают друг друга не в силу тождественности их чувств, а потому что знаки порождают в каждом индивиде соответствующие, но не тождественные предметные понятия, окрашенные переживаниями, которые раскрываются прежде всего и в конце концов как деятельная активность [Шпет 1916].⁵ Человек понимает что-то, если он знает, как это сделано и может эту «сделанность» воспроизвести. Это проявляется на всех уровнях и во всех сферах жизни: от поведения ребенка, ломающего игрушку, чтобы понять, как она устроена до конструктивистского обоснования математики.

Согласно Г. Шпету, во взаимодействии внешнего и внутреннего по отношению к человеку планов смысловое содержание обогащается, прирастает. «Избытком», который стимулирует постоянную динамику, превращение, движение, самовыявление смыслов, который потенцирует, овозможняет бытие, является наделенная сознанием личность. Самосознание личности как единство переживаний важно не как единство имярека само по себе, а как его включенность в общее смысловое поле, в котором оно занимает свое никем не заменимое место [Шпет 1916, 163–166]. В этом Г.Г. Шпет напрямую пересекается не только с идеями В.С. Соловьева и С.Н. Трубецкого о соборности сознания, но и с бахтинской идеей самосознания, души как «оплотнения» другими смыслами (сознаниями) [Бахтин 1979, 88–161], и другими современными ему авторами. Переживание оказывается источником и средством, и самим процессом смыслопорождения, интенционально содержательным бытием. Таким представляли бытие и современники Г.Г. Шпета: как «поступок», «участное мышление», «диалогическое взаимооплотнение смыслов» (братья Н.М. и М.М. Бахтины), Dasein, мотивационно окрашенное скукой, заботой, страхом (М. Хайдеггер), взаимопорождающий диалог Я и Других (М. Бубер, Э. Левинас).

Однако, пожалуй, именно в контексте «Русского Ренессанса» Серебряного века личностное переживание предстало ключевой идеей, условием не только усвоения, но и порождения социально-культурного опыта. Это выразилось в широком диапазоне обостренного интереса к чувственному опыту, включая сексуальный, «слушания музыки революции», опыты богоискательства и богостроительства. В семиотическом контексте представляется особенно интересным и важным феномен имяславия (ономатодоксии), оставивший со временем все четче проявляющийся глубокий след в отечественной философии и культуре.

Речь идет о движении, возникшем в Русской православной церкви после публикации в 1907 г. книги «На горах Кавказа» с описанием духовного опыта скимонаха (отшельника) Илариона. Книга стала популярной среди российских монахов на Афоне. Имяславцы опирались на отцов церкви (Г. Нисский, Г. Палама), идеи Платона

(«Кратил»), неоплатонизма, утверждая, что имена воплощают сущность вещей подобно тому, как кузнец воплощает в изделии его сущность. Так, имена Саваоф, Иисус вызывают сущность Бога в мир. Поэтому, хотя Бог не есть имя, но имя есть Бог. Имяславцы резко отвергали конвенционализм, упрекая его в нигилизме, ничтожении бытия.

Противники имяславцев тоже опирались на отцов церкви. Тот же Г. Палама утверждал, что энергия не есть Бог, а Божество. Бог не имеет имен, т.к. имена — для различения, а Бог — универсальное единство. Имя «Иисус Христос» изобретено людьми и не имеет Божественной энергии. Ни один предмет не нуждается в имени и может существовать без него. Некоторые критики квалифицировали имяславие как ересь в духе пантеизма и хлыстовства.

В философском плане содержание спора об имяславии было проявлением спора об универсалиях — спора номинализма и реализма (платонизма). Имяславие явилось ярким проявлением тяготения духовного опыта восточного христианства к платонизму. Возможно, в имяславии была заложена реформа традиционного православного апофатизма, а возможно — и его преодоления: из ничто (меона) — имя как *rigid designator* вызывает сущность к жизни, привязывает ее к реальности. Новым было и акцентирование роли личностной сопричастности Божественной сущности, достигаемой в молитвенной практике. В этом был намечен потенциал новой формы православия, в чем-то аналогичный протестантской Реформации, с акцентом на опыт личностного переживания,

Имяславие возникло не на пустом месте, у него были свои корни в духовных практиках (стригольники, хлысты, Стефаний Пермский), в политической истории самозванства. Сыграла свою роль и относительная независимость Афона от патриаршества РПЦ и Константинополя. Но социально-политические факторы сыграли и против имяславцев: неоднозначность отношений России и Греции с 1912 г., когда греческие войска заняли Афон, конфликт вокруг главы монастырей. Добило ситуацию привлечение противниками имяславия «административного ресурса»: в 1912 г. книга «На горах Кавказа» была запрещена,⁶ осуждена патриархом Афона Иоакимом III, в 1913 г. имяславие было осуждено комитетом преподобной Богословской школы на Халки, Константинопольским Синодом, Патриархом Германом V и заседанием российского Св.Синода. В июне-июле 1913 г. последовала высылка (с привлечением нескольких рот солдат) свыше 500 монахов [Рождественский 1913 web]. После допросов в Одессе большая их часть была лишена сана, осуждена или сослана. В 1914 г. последовала частичная реабилитация: в феврале некоторые имяславцы были приняты Николаем II, в мае 20 иноков были допущены к священнослужению. В августе 1917 г. Всероссийский Поместный Собор собирался обсудить имяславие, но осенью последовали известные события. В 1928 г. имяславцы вошли в катакомбную церковь, отвергнув соглашательство с Советской властью.

Имяславию были близки видные фигуры российского общества: Иоанн Кронштадский, Г. Распутин, по некоторым свидетельствам — царская семья... Но более интересно влияние имяславия на русских религиозных философов. П.А. Флоренский, выступивший в защиту имяславия, написавший предисловие к одной из книг имяславца Булатовича, уделивший немало внимания философии имени ([Флоренский 1990, 264–287]), отмечал, что любое имя соотносится с космосом конкретного языка, его стихией и энергией — безусловно, не конвенционально. Одно и то же понятие в разных языках понимается по-разному, и каждый язык рождает свою, особую смысловую картину мира. С. Булгаков входил в комиссию Поместного Собора и глубоко вникал в суть дискуссии. Как осмысление основ имяславческого движения им была задумана и написана в 1919–1923 гг. «Философия имени» [Булгаков 2008], представшая как обстоятельно разработанная концепция философии языка, в которой он рассматривал слово как мысль, как Логос. По мнению С. Булгакова звук творится смыслом, а не наоборот. Бывший сторонником имяславия А.Ф. Лосев, начинавший научную деятельность в РАХН (ГАХН), одним из создателей которой был Г.Г. Шпет, оставил грандиозную по масштабу и неоплатонистскую в своих основаниях концепцию философии имени [Лосев 1997].

Имяславие, спор вокруг него, «силовое» решение оставило не афишируемый, но глубокий след в российской культуре. Примерами могут служить творчество О.Э. Мандельштама (как поэтическое, так и рефлексия возможностями языка), отчасти Б.Л. Пастернака. У истоков всемирно признанной московской математической школы, к которой принадлежали такие выдающиеся ученые как (П.С. Новиков, М.В. Лаврентьев, П.С. Александров, Л.С. Понтрягин, А.Н. Колмогоров и др.) стояли имяславец Д.Ф. Егоров и его ученик Н.Н. Лузин, находившийся под непосредственным идейным влиянием П.А. Флоренского⁷ [Graham, Kantor 2009]. Выдающийся математик, трансперсональный философ, автор вероятностной модели языка В.В. Налимов ввел идею семантического вакуума, при воздействии на который личностного сознания как некоей функции, порождаются конкретные смысловые структуры [Налимов 2011]

Соотношение социального и индивидуального факторов в процессе формирования и развития личности было в центре и отечественной психологии, особенно в советский период. Л.С. Выготский трактовал социализацию как «вращивание» в смысловое поле сознания личности социальных значений знаков как программ социально-культурной деятельности [Выготский 1960]. В развитии деятельностного подхода в психологии, выводящего анализ сознания за его пределы, в контекст реальных практик, было введено различие значения и личностного смысла, т.е. социально-исторического опыта жизнедеятельности социальной общности и специфического преломления этого опыта в индивидуальной жизнедеятельности [Леонтьев 1975]. Это различие стало ключевым в психологическом анализе социальных коммуникаций [Леонтьев 2001], российской школе экзистенциальной психологии с ее выходом к всестороннему анализу смысловой реальности: в сознании и деятельности человека, в структуре личности, в отношениях человека с миром, в межличностном взаимодействии, в артефактах искусства [Леонтьев 2007].

Подводя итог довольно беглому, но важному (в плане обозначения масштаба традиции акцентирования внимания на личностном факторе смыслообразования) рассмотрению, можно говорить о накопленном потенциале расширения концептуального содержания семиотики. В предыдущих работах (см. [Тульчинский 2005]) была предложена экстракция инварианта упомянутых выше идей Г. Фреге, Ф. де Соссюра, В. Гумбольдта, Г.Г. Шпета, П.А. Флоренского, А.Н. Леонтьева и др. относительно содержания смысловой структуры и уровней осмысления. Исходным может являться различие в любом элементе культуры, рассматриваемом как знак, двух сторон: означающего — собственно материальной формы знака, с помощью которой он выполняет свою знаковую функцию, и означаемого.

В структуре означаемого, в свою очередь, можно вычленить два основных компонента: во-первых, социальное значение — собственно социально-культурную программу, инвариант социального опыта, и во-вторых, личностный смысл, значение этого социального значения для конкретной личности. Люди общаются ради смыслов. Но возможно это только при двух условиях: наличии материальной формы знака и инварианта социального осмысления — социального значения.⁸ В социальном значении можно вычленить также два аспекта: предметное значение — предметное содержание опыта, и функциональное социальное значение — собственно технологическое содержание программы социальной практики.⁹ В общем случае, предметное социальное значение может быть собственным, отсылать к материальной форме знака (например, стол имеет самого себя в качестве предметного значения), и несобственным (например, слово «стол»). Языковые знаки в своем обычном употреблении имеют несобственные предметные значения. В личностном смысле также можно вычленить два аспекта: оценочное отношение личности к данному значению и переживание этого отношения, непосредственный опыт ощущений и восприятий.

Выделенные компоненты, фактически, подчеркивают единую деятельностьную природу смыслового содержания опыта: предмет деятельности (предметное значение), способ деятельности (функциональное смысловое значение), отношение к этой деятельности (оценка) и ее переживание. Причем в переживании как форме осмысления ключевую роль играют повторы, в которых повторяются, возвращаются

«...моменты живого ощущения деятельности, активности... в напряжении души и тела» [Бахтин 1975, 64]. Поэтому оказываются так важны практики повторных переживаний, связанные с природными ритмами, ритуалами, календарными праздниками, организацией трудового процесса, ритмами в поэтической речи, в изобразительном, пластическом искусстве. В этой связи, очевидно, можно говорить о фундаментальной смыслообразующей функции повторов — именно с их помощью закрепляются нейронные сети, формируя память, которая, в свою очередь, почти эвфемизм сознания, вменяемости.

Компоненты структуры смыслового содержания опыта могут быть выстроены в структуру последовательных «вложений», подобную детской «матрешке», но речь идет не просто о компонентах смыслового содержания социального опыта, а о системе из взаимосвязи и взаимообусловленности. Переход от материальной формы знака к предметному и функциональному социальному значению и далее к личностному смыслу, вплоть до переживания — демонстрирует процесс усвоения социального опыта, его субъективацию, распредмечивание, понимание¹⁰. Встречное прохождение этого ряда — от переживания, выражения отношения к социальному значению и его воплощению в материальной форме — демонстрирует объективацию, опредмечивание опыта.

Социальные значения не сводимы ни к собственно предмету или обозначаемому другому предмету, ни к ментальному образу этого предмета. Они — и здесь ведущую роль играют функциональные смысловые социальные значения — суть характеристики способов деятельности с данной вещью, система связей и функций предмета. Эта система и воссоздается в процессе и в результате осмысления, которое, по сути дела, есть процесс создания и воссоздания программ социально-практической деятельности, выявления и осознания идеи «деланности» предмета. Причем сам предмет выступает как единство значения и его воплощения. Функциональное социальное значение задается соответствующими видами нормативно-ценностных систем культуры, паттернами, фреймами социальных практик в быту, в экономических отношениях, в управлении, в политике, науке, искусстве, религии. Собственно, любая культура как система порождения, хранения и трансляции социального опыта является «механизмом осмысления» и представляет собой систему нормативно-ценностных систем (НЦС). Каждый из видов таких систем задает соответствующие блоки осмысления. Например, топор должен состоять из топорича и топора с лезвием и обухом), может иметь различные конструктивные исполнения (металлический, каменный и т.д.), выполняться в различном стиле и иметь различные символические характеристики (например, обусловленные использованием в ритуалах).

В НЦС сопрягаются функционально-деятельностные, эпистемические и социальные (организационные) и личностные факторы формирования и развития социального опыта и осмысляющего его знания. Специфической НЦС является язык, реализующийся в целях обслуживания других НЦС, в том числе и самого себя. В идее НЦС находит свое выражение понимание рациональности как механизма социальной детерминации познания, представляющего собой устойчивую систему правил, норм и эталонов, принятых конкретным социумом для достижения социально-значимых целей.¹¹ Более того, концепт НЦС позволяет рассматривать динамику институционализации смысловых структур как переход от личностного знания к знанию, с одной стороны — все более распределенному, а с другой — формирующему общности единомышленников, вплоть до социальных институтов. Основой динамики институционализации выступает регулярность и интенсивность коммуникации.

Структура смыслового содержания социального опыта, динамика осмысления и смыслообразования показывают принципиальную роль личностного сознания, выступающего источником, средством и результатом осмысления. Поэтому традиционный семиотический анализ (семантика, синтаксис и прагматика) должен подкрепляться персонологическим вектором (измерением). Личность не только и не столько пассивный реципиент «вращивания» смысловых структур. Вне человека, наделенного сознанием, смыслы не существуют. Именно личностные переживания, их эмоционально-оценочная окраска — первичная среда смыслообразования и осмысления.

Эмоции первичны по отношению к рационально-когнитивным факторам, которые суть поздняя рационализация эмоционально окрашенных переживаний и реакций [Инглхарт 2018, 42–45].

Поэтому для семиотики важен учет всей полноты компонентов смыслового содержания опыта. Очевидны и источники трудностей некоторых концепций и подходов, связанные с абсолютизацией акцента на отдельных компонентах смысловой структуры. Если общесемиотические и аналитические построения связаны с акцентированием материальной формы и предметных значений, то феноменология и герменевтика в духе философии жизни акцентируют роль неповторимых феноменов индивидуального сознания. Обе крайности совпадают в главном — они в частности ищут целое, тогда как конкретное живое осмысление предполагает актуализацию полной смысловой структуры опыта, выражая соотношение социального и индивидуального в динамике реализации опредмеченного социального опыта и осмысления.

Поскольку же речь идет о поле сугубо человеческого, личностного самоопределения, и именно личность, ее сознание является источником, средством и результатом смыслопорождения, то это измерение может называться также личностным (персоналогическим). Так или иначе, но такой подход придает анализу глубину (высоту), уходя к корням и источникам смыслопорождения, получая возможность рассмотрения его динамики. Поэтому рассмотренное выше расширение анализа смысловой структуры может пониматься как «глубокая семиотика» (deep semiotics). В дополнение и развитие традиционной теории знаков и знаковых систем «глубокая семиотика» позволяет перейти от синхронического анализа к анализу диахронии, динамики развития знаковых систем. Поэтому такой подход можно было бы назвать «семиодинамикой». Однако использование такого термина требует дополнительных уточнений и обобщений.¹²

Расширение семиотического концептуального аппарата в плане «глубокой семиотики» позволяет сделать важный шаг в конкретизации «интерпретанты» Ч.С. Пирса, интегрировать междисциплинарные возможности такого анализа, и что особенно важно, открыть перспективу расширения анализа смысла до процессов его воплощения в материальные формы. С этих позиций важно, что личностный смысл не просто наслаивается на социальное значение, выражая индивидуальное отношение к надиндивидуальному значению. Содержанием, как оценки, так и переживания являются оба основных компонента социального значения (предметный и смысловой) как ценностное отношение к деятельности и ее предмету, а также как переживание этой деятельности. Поэтому точнее будет сказать, что систематизация смысловых компонентов может быть представлена в различных моделях — в зависимости от целей анализа¹³. С позиций теоретико-познавательного и логико-семантического анализа центральным звеном является предметное значение, на которое наслаиваются смысловое значение и компоненты личностного смысла. С позиций психологического анализа центральным моментом становятся компоненты личностного смысла, рассмотрение которых приводит к выявлению в них деятельностно-предметного содержания.

Рассмотренные предпосылки и ряд идей, важных для развития глубокой семиотики, позволяют рассматривать ее как подход, дополняющий традиционную семиотику и семиологию, систематическое представление которого принципиально важно для развития теории знаковых систем, как аппарата анализа социально-культурной реальности и роли личности в развитии социально-культурного опыта.

Примечания

¹ Предметом интересного и перспективного анализа может стать соотнесение понятий «семиосферы» у Ю.М. Лотмана и «ноосферы» у В.И. Вернадского.

² Подробный обзор см. [Золян, Жданов 2018].

³ Например, модальные операторы (возможности, необходимости, веры, знания и т.п.) понимаются фактически как кванторы по множествам описаний состояния (возможным мирам).

⁴ Так, в рамках логики и методологии науки постпозитивизм нашел выражение в признании роли не только социально-культуральных факторов (Т. Кун, И. Лакатос, П. Фейерабенд), но и роли личностного фактора динамики научного познания (М. Полани, С. Тулмин, Д. Холтон).

⁵ Такая трактовка постижения действительности перекликается с идеями русского формализма о смысловом содержании вещи как ее сделанности [Шкловский 1925, 7–20].

⁶ После этого она впервые была переиздана только в 1988 г.

⁷ Показательно и то, что на математическом факультете МГУ сохранилась не только устойчивая память об А.Ф. Лосеве, учившемся там, но и интерес к его концептуальному наследию, о чем свидетельствует участие математиков в ежегодных Лосевских чтениях.

⁸ Например, слово «лето» у каждого вызовет свой поток ассоциаций и воспоминаний (личностный смысл): у кого-то это будет отдых на море, у кого-то — лес, грибы, ягоды, а у кого-то — огород, огород, огород... Но все понимают, что речь идет о некоем инварианте социального значения, самом теплом времени года в северном полушарии.

⁹ В принципе, различие предметного и функционального социального значения соответствует различению объема и содержания понятия — эти логические характеристики являются точным концептуальным выражением данного различия.

¹⁰ В этом плане компоненты смысловой структуры предстают также уровнями герменевтического осмысления: идентификацией, референцией, интерпретацией, оценкой и эмпатией (сопереживанием, вчувствованием).

¹¹ При этом, ценностно-нормативный анализ открывает возможность обоснования семантики практических рассуждений и перформативов: оценочных, нормативных, императивных. Ранее, на примере логико-семантического анализа содержания идеи сущности и существенного признака был раскрыт механизм ценностно-нормативного синтеза знания в «стереометрическом» соотношении описания реальности (истинное знание) с описаниями должного (знание необходимого) и возможного (знание реализуемого) [Тульчинский 2000]. Этот синтез — синкретичный в обыденном опыте, может быть отрефлектирован в научных формах знания.

¹² В плане динамики развития смысловых структур и их институционализации термин «deep semiotics» напоминает «deer play», используемый Д. Бентамом в его «Theory of legislation», когда он говорит о процессе порождения законодательства.

¹³ Включая контексты цифровизации и электронной коммерции: [French 2002].

Источники и переводы — Primary Sources and Russian Translation

Бахтин 1979 — *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979 (Bakhtin M. M. *Aesthetics of Verbal Art*. In Russian).

Булгаков 2008 — *Булгаков С.Н.* Философия имени. СПб: Наука, 2008 (Bulgakov S. N. *Philosophy of the Name*. In Russian).

Выготский 1960 — *Выготский Л.С.* Развитие высших психических функций. М.: Изд. Акад. педаг. Наук, 1960 (Vygotsky L. S. *Development of Higher Mental Functions*. In Russian).

Гумбольдт 2000 — *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000 (von Humboldt A. *Über das vergleichende Sprachstudium in Beziehung auf die verschiedenen Epochen der Sprachentwicklung und andere Werke*. Russian translation).

Инглхарт 2018 — *Инглхарт Р.* Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018 (Inglehart R. *Cultural Evolution: How People's Motivations are Changing and How this is Changing the World*. Russian translation).

Леонтьев 2001 — *Леонтьев А.А.* Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). М.: Смысл, 2001 (Leontiev A. A. *Active Mind*. In Russian).

Леонтьев 1975 — *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975 (Leontiev A.A. *Activity, Consciousness, and Personality*. In Russian).

Лотман 2010 — *Лотман Ю.М.* Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки (1968—1992) СПб: Искусство-СПб, 2010 (Lotman Yu. *On the Semiosphere. Culture and Explosion*. In Russian).

Лосев 1997 — *Лосев А.Ф.* Имя: Избранные работы, переводы, беседы. СПб: Алетейя, 1997 (Losev A. F. *Name*. In Russian).

Налимов 2011 — *Налимов В.В.* Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Академический проект, 2011 (Nalimov V. V. *Sponntaneity of Consciousness*. In Russian).

Пирс 2000 — *Пирс Ч.С.* Начала прагматизма. Т. 2. Логические основания теории знаков. СПб: Алетейя, 2000 (Peirce Ch. *Meaning and other works*. Russian translation).

Потебня 1976 — *Потебня А. А.* Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976 (Potebnja A. A. *Aesthetics and Poetics*. In Russian).

Рождественский 2019 web — *Рождественский, архиеп. Никон.* Моя поездка на старый Афон и плоды «великого искушения» // <http://www.blagogon.ru/biblio/862/> (Rozhdestvensky, archbishop Nikon. My Trip to Old Athos and the Fruits of “Great Temptation”. In Russian).

Флоренский 1990 — *Флоренский П.А.* Сочинения в 2-х т. Т. 2. У водоразделов мысли. М.: Правда, 1990 (Florensky P. *At the Watersheds of Thought*. In Russian).

Шкловский 1925 — *Шкловский В.Б.* О теории прозы. М.: Круг, 1925. С. 7–20 (Shklovsky V. B. *Theory of Prose*. In Russian).

Шпет 1916 — Шпет Г.Г. Сознание и его собственник. // Георгию Ивановичу Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве 1891—1916. Статьи по философии и психологии. М., 1916, 156—210 (Shpet G. G. *Consciousness and its Owner*. In Russian).

Шпет 1927 — Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова (Этюды и вариации на темы Гумбольдта). М.: ГАХН, 1927 (Shpet G.G. *Inner Form of the Word*. In Russian).

Primary Sources

Frege, Gottlob (1892) “Über Sinn und Bedeutung”, *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*, Band 100, pp. 25—50.

Halliday, Michael A. K. (1978) *Language as Socialsemiotic: the Social Interpretation of Language and Meaning*. University Park Press, Maryland.

Hodge, Robert, Kress, Gunther (1988) *Social Semiotics*, Cornell University Press, Ithaca (NY).

Morris, Charles W. (1938) *Foundation of the Theory of Signs*, The University of Chicago Press, Chicago.

Ссылки — References in Russian

Золян, Жданов 2018 — Золян С.Т., Жданов Р.И. Геном как информационно-семиотический феномен // *Философия науки и техники*. 2018. Т. 23. № 1. С. 88—102.

Калинин 2009 — Калинин И.А. Тартуско-московская семиотическая школа: семиотическая модель культуры / культурная модель семиотики. // *Новое литературное обозрение*. 2009. № 98. С. 27—55.

Леонтьев 2007. — Леонтьев Д.А. Психология смысла. М.: Смысл, 2007.

Тулъчинский 2000 — Тулъчинский Г.Л. Сущность и существенность. Философско-логический анализ // *Логико-философские штудии*. СПб, 2000, С. 31—59.

Тулъчинский 2005 — Тулъчинский Г.Л. Смысл и гуманитарное знание. // *Проблема смысла в науках о человеке*. М.: Смысл, 2005, С. 7—26.

Черниговская 2013 — Черниговская Т. В. Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание. М.: Языки славянской культуры, 2013.

Шатин 2015 — Шатин Ю. В. Семиотика vs семиология: к вопросу о полноте знаковой теории // *Критика и семиотика*. 2015. № 2. С. 10—17.

References

Chernigovskaya, Tatyana V. (2013) *Cheshire Smile of Schrödinger's Cat: Language and Consciousness*, Moscow.

Fehér, Mártha, Kiss, Olga, Ropoly, László (eds) (1999) *Hermeneutics and Science*, Kluwer Academic Publishers, Dordrecht.

French, Tim (2002) “What Kinds of 'Interpretation' can Semiotics Offer to E-commerce Site Users and Designers?”, *Proceedings of the First International Workshop Interpretative Approaches in Information Systems Research*, Brunel University, pp.1—6.

Graham, Loren, Kantor, Jean-Michel (2009) *Naming Infinity. A True Story of Religious Mysticism and Mathematical Creativity*, The Belknap Press of Harvard Univ. Press, Cambridge (Mass.)-London.

Kalinin, Ilya A. (2009) “Tartu—Moscow Semiotic School: Semiotic Model of Culture / Cultural Model of Semiotic”, *New Literary Observer*, Vol. 98, pp. 27—55.

Leeuwen, Theo van. (2005) *Introducing Social Semiotics*, Routledge, London-N.Y.

Leontiev, Dmitry A. (2007) *Psychology of Meaning*, Smysl, Moscow.

Randviir, Anti (2004) *Mapping the World: Towards a Sociosemiotic Approach to Culture*, Tartu University Press, Tartu.

Shatin, Yuri V. (2015) “Semiotic versus Semiology: the Question of the Completeness of Sign Theory”, *Critique and Semiotics*, Vol. 2 (2015), pp. 10—17.

Tulchinskii, Grigorii L. (2000) “Essence and Essentiality. Philosophical and Logical Analysis”, *Logical and Philosophical Studies*, Spb, pp. 31—59.

Tulchinskii, Grigorii L. (2005) “Meaning and Humanitarian Knowledge”, *The Problem of Meaning in the Sciences of Man*, Smysl, Moscow, pp. 7—26.

Zolyan, Suren T., Zhdanov, Renad I. (2018) “Genome as a Semio-informational Phenomenon”, *Philosophy of Science and Technology*, Vol. 23, No 1, pp. 88—102.

Сведения об авторе

ТУЛЬЧИНСКИЙ Григорий Львович — заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета; НИУ «Высшая школа экономики».

Author's information

TULCHINSKII Grigorii L. — Honored Scientist of Russia, DSc in Philosophy, Professor, St.Petersburgian State University; National Research University “Higher School of Economics”.